

АРТПРОСТРАНСТВО ГЛЕБА СЕДЕЛЬНИКОВА

Без стука сердца просьба не входить.

Валентин Загорянский.

Предложение написать об электронной музыке Глеба Седельникова явилось приятной неожиданностью и мне захотелось вначале рассказать об этом уникальном человеке.

Глеб Серафимович родился 6 августа 1944 года в Москве. Случилось так, что в родильном доме тогда получили отравление 15 мальчиков, выжил один Глеб. В зрелые годы, когда кто-либо удивлялся его невероятной энергии и творческой плодовитости, он обычно отшучивался и говорил, что «отдувается» за 14 человек. Цифра 14 действительно странным образом ему постоянно сопутствовала. Вследствие заражения крови развилась глаукома, и после перенесённой кори к девяти годам зрение полностью пропало. Глеб вспоминал, как в детстве сидел под столом из-за светобоязни, глаза всё время чем-то закапывали, тогда же развилась аллергия, преследовавшая его всю жизнь. Несмотря на всё это Глеб был общительным, любознательным ребёнком, прекрасно рисовал, вырезал из коры и лепил из пластилина. Угроза потери зрения спровоцировала особую остроту восприятия мира. Зрительные образы, жадно впитанные в детстве, остались с ним навсегда. А детские впечатления – это старая Москва (он жил на Пятницкой улице в Замоскворечье, в доме, где ещё топили дровами и где он любил рисовать на запотевших стёклах) и огромный сад в подмосковной Загорянке, где у семьи была дача. Я ещё застала этот сад во всём великолепии. Поражало море самых разных цветов от ранних нарциссов и тюльпанов до роскошных гортензий, которые срезали поздней осенью и они всю зиму украшали комнаты, оставаясь такими же пышными, из белых становясь постепенно розовато-зеленоватыми. Рядом с домом благоухали кусты сирени, жасмина и шиповника, вдоль дорожек красовались розы. По вечерам особенный аромат источали табак и ночные фиалки. В саду было множество плодовых деревьев – яблони и вишни, сливы и груши; в немыслимых количествах кусты смородины и крыжовника разных сортов, вдоль забора тянулись заросли малины. В огороде такое же изобилие. По утрам на столе всегда была свежая зелень, любимые Глебом редиска и репка. В начале лета, как правило, урожай клубники! В парнике росли огурцы, кабачки и помидоры... Часть участка напоминала лес – молодые дубы, берёзы и рябина. В мае – ландыши, осенью – грибы...

Автором и неутомимым возделывателем этого образцового хозяйства был отец Глеба - Серафим Валентинович (1905-1979) инженер-литейщик по специальности, всю жизнь проработавший на заводе «Станколит». Пишу об этом потому, что именно этот сад подарил нам будущего поэта, именно там пришли к нему первые поэтические строчки, и когда отец продал дачу (сил уже не было, а смотреть, как хиреет его любимое детище он не мог) Глеб взял поэтический псевдоним Валентин Загорянский (дом стоял на границе Валентиновки и Загорянки). Путь от платформы «Валентиновка» был чуть длинней, но приятней, не вдоль шоссе, а лесом, мимо дач артистов Малого театра.

Глеб очень любил эти места. Когда дачи уже не было, мы каждый год весной или осенью приезжали туда просто погулять, подышать запахом дачных костров, обойти пруд с островком, который особенно был любим Глебом. Всё богатство мира, увиденного в детстве, оставалось с ним постоянно. Оттенки цвета он определял соответственно: спелая малина, молодой салат... У Глеба выработался своего рода цветной слух – голоса людей, уникальность тембра ассоциировались у него с каким-либо оттенком цвета.

Во время наших прогулок всегда рождались поэтические миниатюры (чаще всего двустихия или одностихия), с собой всегда - записная книжка или диктофон. Сказанная реплика могла тут же превратиться в строчку. Например:

По этой старой липовой аллее
Только что прошла наша юность.

Или:

В прищур пруда
Следил за мною август.

Или вот такое, как бы останавливающее время:

Собака пьёт из реки.
Так до сих пор и пьёт...

В первой изданной нами книжке «Дождь кратковременный» очень многое родилось в Загорянке, как непрерывный диалог с садом:

На каком языке ты молчишь?

+++

Тебе

я посвящаю

тишину...

+++

Ландыш поёт! А ты
Только смотришь!..А ты
Послушай! Ландыш поёт!..
Всю свою жизнь напролёт...

+++

Твоя тишина
Нарушает мою тишину...

+++

Роза прячется в себя
Между лепестками...

+++

Глядят на нас из земли
Цветы – анютины глазки...
Кто же эта Анюта?
Может, сама земля?...

+++

Только один лепесток подари мне, ромашка!..

+++

Я садом буду думать о тебе...

+++

Чуть только садом стоит стать –
Тебя сажают за решётку!
Знакомые проходят мимо
И не протягивают рук...

+++

В кистях гортензий, мокрых, осторожных,
Нашёл приют окончившийся дождь...
Он и во мне, наверное, укрылся!
Дотронься до руки моей – прольётся...

Хочется перечитывать эти строчки, кажется, что их посылает нам тот самый незабываемый сад...

Нельзя не сказать об удивительной памяти Глеба. Он помнил всех, с кем когда-либо общался: дни рождения, номера телефонов, мог назвать, когда произошло то или иное событие – год, день недели, время... Особо отмечу зрительную память. Приведу случай, поразивший преподавателя в школе для слепых детей, куда попал Глеб. Многие дети, обучавшиеся там, не видели от

рождения и представление о мире часто получали по выпуклым рисункам. Один рисунок был очень сложным и педагог не решался дать его детям, но всё-таки попробовал на Глебе. Какого же было его удивление, когда Глеб почти сразу сказал: «Это храм Василия Блаженного», он видел его и узнал. Несмотря на слепоту, Глеб хорошо знал Москву, легко ориентировался в лабиринте улиц и переулков, очень любил «показывать» Москву. И не только Москву! Когда мы с ним впервые приехали в Ленинград, нам захотелось пройти по адресам Достоевского, у нас был с собой такой путеводитель. Глеб ходил как по родному городу. Скорее всего в школе, изучая выпуклые карты городов, он хорошо познакомился с Ленинградом и научился воспринимать пространство, как бы сверху, единым взглядом. Изучать новые места вместе с ним было особенно интересно. Вспоминается, когда мы читали письма Моцарта, Глеба поразило его признание, что он слышит свою симфонию всю одновременно, как бы в одной точке, ведь Глеб тоже мог так слышать и «видеть» свои сочинения. Когда мы работали над партитурой оперы «Родина электричества», а это очень большое сочинение, и как всегда после завершения работы приходилось «доводить» некоторые детали, он держал в памяти всю партитуру. Для нормального человека это просто невероятно.

Нельзя не отметить любовь к изобретательству. Он в юности часто выдавал идеи, которые воплощались в жизнь через много лет. Например, идею кнопочного телефона или идею цифровой записи. Он говорил, что буквально всё, что происходило, так или иначе отпечатано в пространстве и может быть со временем расшифровано новым, пока неизвестным нам способом.

В семье Глеба не было музыкантов, были талантливые художники и люди одарённые. Старший брат Игорь (1931- 1980) знал несколько европейских языков, владел японским, великолепно рисовал и резал по дереву. Отец, работая одно время в Китае, был единственным специалистом, который общался с китайскими коллегами без переводчика. Он неплохо пел и, никогда не учившись, тем не менее мог в любой момент без ошибок сыграть на пианино « Интернационал» и вальс из вахтанговской «Принцессы Турандот».

В школе-интернате был музыкальный кружок. В 11 лет у Глеба появились первые сочинения для фортепиано. Родители купили пианино, и он, оставаясь дома во время болезни (а болел он часто и подолгу) любил импровизировать. Этажом выше над ним иногда тоже раздавались звуки фортепиано. Кто-то учился музыке. Оказалось, что это Лиза – дочка сослуживца отца, четырнадцати лет. Они познакомились и Лиза стала записывать ему ноты. Это была первая любовь. Зелёная тетрадка, в

которой Лиза записала несколько вальсов, мазурок и прелюдий, попала в руки А.В.Свешникова и тот посоветовал обратиться в школу при Мерзляковском училище. Так Глеб оказался в подготовительном классе, и началось его профессиональное музыкальное образование. Осенью 4 октября 1961 года мы познакомились. Глебу было 17 лет, мне 15 лет.

В Мерзляковском училище на теоретическом отделении преподавали превосходные педагоги: Д.А.Блюм, Н.В.Туманина, Ю.Н.Холопов, В.П.Фраёнов, С.С. Григорьев. Правда, сочинять тогда Глеб почти перестал. После ухода из училища его первого учителя по композиции Р.И. Леденёва с новым педагогом контакта не получилось, и заканчивал училище Глеб только как теоретик. 17 июня 1966 года мы расписались и в тот же год вместе поступили на теоретический факультет Московской консерватории. Тот, кто учился на теоретическом, знает, что объём работ, требующих записи, нотной и литературной, огромен. Системой Брайля после школы Глеб практически не пользовался: всё равно эту запись пришлось бы переводить в плоский шрифт, что занимало ещё больше времени. Поэтому все годы учёбы и в дальнейшей композиторской и отчасти литературной работе записью пришлось заниматься мне. Не могу сказать, что я легко справлялась именно с записью нот. Наши скорости не совпадали, Глебу приходилось иногда по многу раз играть одно и то же пока мне не удавалось оформить нотный текст. С литературой было проще: в годы учёбы в консерватории он в совершенстве овладел пишущей машинкой, печатал как профессиональная машинистка, мне приходилось только проверять и править текст.

С приобретением в середине 90-х годов компьютера, а вскоре и синтезатора жизнь Глеба значительно изменилась: теперь он не зависел от записи и смог работать совершенно самостоятельно и, что особенно важно, получил возможность выдавать конечный продукт в виде фонограммы, являясь и автором, и исполнителем своей музыки. Однако не только внешние причины заставили его практически перейти на синтезатор. Новые выразительные средства открывали новые горизонты творчества.

Всех, знавших Глеба, поражала его эрудиция. Если он не работал, то всегда обязательно что-нибудь слушал: будь то радио или книги на плёнках, никогда не пропускал чтение программы передач на «Орфее», был в курсе концертной и театральной жизни. За 50 лет им была собрана огромная фонотека (несколько тысяч пластинок и магнитофонных записей). Классика, джаз, этномузыка, голоса природы, эстрада, фольклор, выдающиеся исполнители, мастера художественного слова, голоса поэтов, писателей, бардов, записи драматических спектаклей. Никогда не отказывал в консультации, когда к нему обращались работники радио, давал свои

пластинки и записи. С появлением более продвинутой записывающей техники научился брать записи с эфира, переводить их на диски и дарил тем, кому, как ему казалось, это могло быть интересно и полезно. В последние годы, став профессионалом высочайшего уровня, он помогал всем, кому требовалась его помощь.

В 1971 году Глеб закончил консерваторию как музыковед, а в 1974 – как композитор. Дипломной работой была камерная опера «Бедные люди» по Достоевскому для двух певцов и струнного квартета – единственная в истории консерватории оперная постановка (режиссёр Б.А.Покровский), совпавшая с дипломным показом. Помню переполненный Малый зал, атмосферу праздника и настоящий успех. Председателем комиссии был А.В.Свешников, который очень высоко оценил оперу. Не знаю, вспомнил ли он тогда, что сам 13 лет назад дал Глебу путёвку в жизнь. Редчайший случай, что ещё будучи студентом консерватории по объёму работ в мае 1974 года Глеб был принят в Союз композиторов. В 1979 году Глеб закончил аспирантуру (кафедра композиции). В 1978 году опера «Бедные люди» была удостоена Первой премии на Международном конкурсе в Праге, она 12 лет шла в МКМТ Бориса Покровского; ставилась и в других городах нашей страны (в Одессе, Петрозаводске), шла за рубежом – в Болгарии, Чехии, Германии, Австрии.

Комическая опера «Медведь» по Чехову была поставлена в 15 городах. Только в Ленинградском театре музыкальной комедии за 4 года прошло более 200 спектаклей. «Родина электричества» - первая опера по произведениям Андрея Платонова, к сожалению, целиком не исполнялась. На фестивале «Московская осень» в 1987 году прозвучали Вступление и Пролог. Также в рамках фестиваля из крупных работ были исполнены Пассакалия для органа (единственное сочинение Глеба в додекафонной технике); «Бубенчик» - минимонопера, Кижское каприччио для меццо-сопрано и камерного оркестра по «Кижским рассказам» Виктора Пулькина; «Lux aeterna» - Концерт-представление для 7 труб, органа, ударных, сопрано, женского хора, хора мальчиков и партии света; «Солдат мой, солдатик» («Плачи» и «Колыбельные») – Концерт-действие для женского хора без сопровождения на собственные тексты, посвящённый памяти павших во Второй мировой войне; «Воспоминание о Праге» - Хоральная соната для голоса, органа и звенящих ударных. Глеб также принимал участие в концертах электронной музыки.

В последние годы стало традицией включать в афишу фестиваля творческие встречи с Глебом Седельниковым, где он представлял свои диски. В 2008 году он выступил как победитель Международной премии Филантроп

в двух номинациях- композитор и поэт - с электронным диском «Преступление и наказание» Литаргическая литургия по Достоевскому. В 2009 году к 110- летию Андрея Платонова был представлен диск «Вечный свет» с записями выше упомянутых сочинений. В 2010 году - диск «Шествие цветных карандашей» - фортепианные пьесы для детей в исполнении автора с нотным приложением. Пьесы играли учащиеся детских музыкальных школ, демонстрировались детские рисунки участников художественной студии под руководством Т.А.Кареевой, выполненные по впечатлениям от прослушанных пьес.

Последняя встреча состоялась 16 ноября 2011 года, где Глеб был представлен и как композитор электронным диском «Авраам, роди Исаака или Сказка о золотой фишке», и как поэт диском «Солнцу привет» читает Валентин Загорянский. Сюда вошли не только стихи, но и фрагменты интервью из радиопередач, и даже его песня «Найдёшь меня» в исполнении автора и Юлии Болотиной (вокал, гитара). MP3, около 5 часов звучания.

10 апреля 2012 года Глеб скоропостижно скончался от инфаркта.

В последние месяцы он буквально не отходил от компьютера, подводил итоги, обрабатывал своё гигантское поэтическое хозяйство. С августа 1959 года по январь 2012 года поэтом написано 5522 тетради, содержащие 150 тысяч как традиционных стихотворений, так и миниатюр различных форм и жанров, а также акрограмм и акростихов обычных и многократных.

К счастью последние творческие вечера Глеб записал на магнитофон. Вечер, состоявшийся 16 января 2011 года в литературном клубе Александра Белугина и Игоря Бурдонова «Подвал №1», целиком посвящённый его творчеству и обработанный им как Репортаж-тетрадь №5137, достоин отдельной публикации! Настолько интересно и разнообразно был там представлен и сам автор, и его творчество. С фрагментами вечера можно познакомиться на сайте (burdonov.ru/Podval1), вечер № 134. Там же вскоре после смерти Глеба 28 апреля 2012 года состоялся вечер памяти. Для названия было выбрано одностопное Глеба: «Доказываю чудо: существую!»

В домашнем архиве хранятся 2 интервью, прошедшие в феврале 2001 года на ТВ «Дарьял» (автор Эмиль Котлярский), фильмы телеканала «Культура» (автор Татьяна Слюсаренко) о «русской пятёрке», о Глинке, о Чайковском, о Николае Голованове с участием Глеба в качестве эксперта; радиопередачи на канале «Орфей» с Т.Сидоровой, В.Молчановым, С. Яковенко; на радио «Россия» с И.Зиминой; художественный фильм «Неизвестность» с электронной музыкой Глеба Седельникова и мн. др.

Попробую пересказать некоторые мысли, высказанные участниками последней встречи в Доме композиторов по поводу творчества Глеба.

Вячеслав Рожновский (ведущий вечера) начал с того, что Глеб обладает удивительным свойством излучать оптимизм. Какое бы ни было у тебя плохое настроение, пообщайся с Глебом, и оно благодаря этому излучению непременно меняется, депрессия уходит, появляется бодрость, прибывают силы. Перечислив оперные работы по Достоевскому, Чехову, Платонову, он отметил, что они стали в каком-то смысле классическими в нашем репертуаре. В области кантатно-ораториальной хоровой музыки Глеб стал автором оригинальных решений: Концерт-действие для женского хора без сопровождения, Концерт-представление для семи труб, органа, ударных, сопрано, женского хора, хора мальчиков и партии света. Новаторский подход ещё более ярко проявился в области поэзии, где Глеб выступает как композитор словесного творчества. Это нисколько не умаляет яркого эмоционального содержания стихов, поражает разнообразие форм и немыслимое количество!

Игорь Бурдонов (доктор физико-математических наук, поэт, художник) отметил особое свойство электронной музыки Глеба – она и очень современная и в то же время очень древняя. Она «удобна» в разнообразных композициях, где сочетаются текст, музыка, живопись, анимированное изображение. Таких композиций с музыкой Глеба у него 23. К сожалению, о самих композициях здесь рассказать невозможно. Упомянем лишь «Изначальное свершение» (аудиозапись на диске «Лестница небес»), где участвуют стихи Валентина Загорянского, китайские акварели Игоря Бурдонова, анимированные и исполняемые на китайском языке гексаграммы. В исполнении Игоря Бурдонова прозвучала поэтическая композиция «Пирамида» (к сожалению без видеоряда) – диалог двух поэтов Бурдонова и Загорянского на хайку-фундаменте и с музыкой Глеба Седельникова.

Алла Биндер говорила о солнечном начале, умении быть счастливым, для многих недостижимом: «Ещё только утро, а я уже счастлив».

Татьяна Слюсаренко (музыковед, журналист) говорила о фантастической эрудиции Глеба Серафимовича, умении говорить просто о сложном, при этом ясно и глубоко, темпераментно, энергетично, захватывая зрителя-слушателя. Это великое умение, особенно ценное на телевиденье.

Анна Младковская (поэтесса, журналист, пресс-секретарь Дома Архитекторов, участница танцевальной студии «Музыка, образ, танец») исполнила хореографическую композицию на музыку номера «Млечный ослик». *«Я слушаю, - сказала она – что говорят о тебе люди, и я думаю, что это умещается в два слова: удивление и восхищение».* Мне запомнилось, как на вечере памяти Глеба она неожиданно сказала: *«Поговорил с Глебом – поговорил с небом...»*

Глеб рассказал о совместной работе со Светланой Конюховой – издательнице всех наших дисков, о последнем совершенно необычном диске – опере «Бедные люди» по Достоевскому, для которого он отреставрировал запись почти сорокалетней давности и помимо аудиозаписи представил на диске ноты – клавиру, партитуру, голоса; либретто, свою статью «Рождение оперы», написанную им много лет назад для альманаха «Достоевский и мировая культура», а также сам роман Достоевского. Светлана сообщила, что Глеб абсолютный лидер издательства – он выпустил 20 дисков, полностью подготовив их к изданию как технический и музыкальный редактор. Забегая вперёд скажу, что в конце 2011 – начале 2012 года Глеб работал ещё над двумя проектами – записями песен Малера с О.Седельниковой и В.В. Троппом и вокальными циклами Евгения Щербакова на стихи Валентина Загорянского («Дождь кратковременный» и «Ростовская тетрадь») в исполнении О.Седельниковой и автора. Смерть прервала эту работу. Позже мы завершили её и осенью того же года вышел диск памяти Глеба Седельникова с вокальными циклами на его стихи и «Строгими напевами» Брамса. Песни Малера издательство в память Глеба выпустило за свой счёт. Кстати сказать, именно с подачи Светланы Конюховой возникла идея написать об электронной музыке Глеба Седельникова, это она подарила Игорю Красильникову несколько последних дисков Глеба, тот заинтересовался и предложил мне рассказать о композиторе и его творчестве.

На последнем вечере Светлана говорила о том, что полностью доверяет вкусу Глеба Серафимовича, если он что-либо ей предлагает, она не сомневается, нужно ли это делать. Несмотря на явно некоммерческий, неформатный проект она делает это для думающих, развивающихся людей и пожелала всем присутствующим слушать его стихи, получая при этом огромное удовольствие. *«Когда слушаешь эти стихи, невольно удивляешься... Некоторые из них настолько просты и чётки, что думаешь: ну, как же я сам до этого не додумался! А некоторые настолько высоки, что ты невольно поражаешься: ну, каких ещё вершин может этот человек достичь!»*

В заключении вечера Глеб представил потрясающего человека – учёного, поэта, полиглота, знающего на тот момент 113 языков – Вилли Мельникова. Вот что он говорил: *«Моя хрустальная мечта сделать с Глебом Серафимовичем совместный альбом. Это было бы потрясающе для меня. Я стал поневоле заложником собственной полиглотии и поскольку для меня критерий знания языка – писать на нём стихи в зависимости от ситуации или настроения, то это такое моё пространство, в котором я живу, дышу... Да, действительно Глеб Серафимович прав, я немного оттуда:*

мама русская, отец полушвед, полуисландец... Но ещё у меня пишутся стихи на разных языках на что-то визуальное (визуальная поэзия) или картины, которые мне очень нравятся, или музыку, которая меня очень затрагивает. Среди таких «музык» – как раз артпространство Глеба Седельникова, и я сам был этому очень удивлён, поскольку я рос на рок-культуре, на музыке кантри, на языческих песнопениях самых разных народов от полинезийцев до канадских эскимосов, до индейцев и в этом смысле как бы без музыки не могу себя представить. Ну а музыка Глеба Седельникова – это даже не планета, а совершенно особая, отдельная, совсем не похожая ни на кого галактика, которая не подчиняется правилам, как говорят астрофизики, фиолетового и красного смещений. Фиолетовое смещение – это астрономический объект, который приближается к нам, красное – удаляется. Артпространство Глеба Седельникова тем и отличается, что оно одновременно и приближается, и удаляется. Приближается, если кто-то вчувствуется в его музыку, а удаляется, наоборот, не потому, что хочет кого-то оттолкнуть, а наоборот по принципу «со стороны виднее». /-Г.С.- «Это надо на стене написать, хорошо сказал!» - В.М.-«А хорошо сказал! Слюшай!» -(повторил Вилли с кавказским акцентом)./ И вот поэтому, конечно, когда я услышал музыку Глеба Серафимовича впервые, мне захотелось дополнить её ... Она самодостаточна, в дополнениях не нуждается... Мне захотелось написать на неё целый цикл стихов, разноязычных, в том числе, не побоюсь этого слова, даже и по-русски. По-русски я тоже пишу, представьте себе. /Г.С. –«И хорошо пишет!» - В.М. – «Да...Вам виднее, со стороны...»/ И я просто сейчас прочту то, что я называю лингвагобеленом. Это один из моих авторских жанров. Я сейчас облачён в такой вот лингвагобелен. /Вилли одет в белый медицинский халат, расписанный черной краской непонятными письменами./ Здесь тридцать языков – на разных языках разные части текста. Это халат, который я превратил в своё стихотворение. Когда сочиняешь лингвагобелен, меняется настрой и меняется язык, который соответствует твоей текущей настроенческой ступеньке. Ну, как не будешь петь песню на одной ноте... /Вилли читает свой стих./

Г.С. о Вилли : «Неважно, на каком языке. Интересно слушать! Как бывает светомузыка, так примерно, это – языкомузыка!»

Кульминацией вечера стало чтение Вилли Мельниковым по просьбе Глеба его одностишия «Простор тоскует по товарищу » на всевозможных предлагаемых из публики языках. Тут зазвучали такие изоляты, о которых мы никогда не слышали. Вилли приговаривал при этом : «...психоулётная архаделика...А это мой любимый язык – в нём 18 видов прошедшего

времени , 23 – настоящего и 42 - будущего времени!» Глеб для контраста предложил «что-нибудь более цивилизованенькое», чтобы проверить... Оказалось, что английский имеет множество диалектов, как, впрочем, и французский, и испанский. Прозвучала даже латынь. Все пришли в неопишуемый восторг...

«У меня такое впечатление, что я соприкоснулся с каким-то кусочком вечности, космоса!» - сказал Рожновский. «Спасибо огромное композитору Глебу Седельникову и поэту Валентину Загорянскому! Спасибо всем, кто пришел...» Глеб предложил всем взять на память диски.

Я постаралась передать непринуждённую, весёлую атмосферу, в которой обычно проходили встречи с Глебом, всегда звучала музыка, он любил раздавать присутствующим подборки своих стихов и по ходу вечера просил почитать их для всех собравшихся. Каждый уходил с подарком.

Настало время более подробно рассказать об электронных дисках.

Издательство ООО «Артсервис» выпустило 7 дисков с электронной музыкой Глеба Седельникова. Первый диск вышел в 2007 году, это был **«Идиот», музыкальные иллюстрации к роману Ф.М.Достоевского.** Дадим слово автору. *«Всю жизнь хотел написать оперу «Идиот». И либретто было уже составлено, и музыка накапливалась. Но вдруг почувствовал, что время этих роковых страстей прошло. К тому же до сих пор все попытки воплотить данный сюжет в опере терпели неудачу. И вот в 1994 году узнаю, что Сергей Женовач в Театре на Малой Бронной ставит «Идиота». Я понял, что это мой шанс. Идея режиссёра была в том, чтобы как можно полнее прочесть роман Достоевского. Написанная им самим инсценировка включала в себя три спектакля: «Бесстыжая», «Рыцарь бедный», «Русский свет». Постановка имела большой успех и получила «Золотую маску». К сожалению, «Идиот» на Малой Бронной шёл всего два года, не осталось даже видеозаписи. Но, к счастью сохранилась музыка. Именно ей, по замыслу режиссёра, надлежало подчеркнуть светлое, доброе начало в романе, выявить тему доверчивости, наивности, детскости.*

Музыки было так много, что возникала мысль о спектакле наподобие «говорящей» оперы, тем более, что актёры оказались весьма музыкальны. Иногда меня просили в том или ином месте добавить номер. Но режиссёр, напротив, в некоторых случаях снимал номера, объясняя, что актёры слушают музыку и не играют. Однажды я сыграл Сергею Васильевичу парафраз на финал Восьмой сонаты Бетховена, предполагая, что под эту музыку Аглия споёт стихотворение Пушкина «Рыцарь бедный». Не успел я закончить, как он воскликнул: «Это что, Рыцарь бедный?» Он, как и я, угадал связь Достоевского и Бетховена. А когда уже приближалась

премьера, я прочитал в воспоминаниях Софьи Ковалевской, что любимыми произведениями Достоевского во время работы над романом «Идиот» были Восьмая соната и «Эгмонт» Бетховена.»

Музыка на этом диске вполне традиционная в том смысле, что записана нотами и лишь исполнена на синтезаторе, заменившем отсутствующий в театре оркестр. На тот момент у Глеба ещё не было собственного инструмента, и звукорежиссёр театра Павел Романов предложил ему воспользоваться для работы своим синтезатором. Только в отдельных эпизодах возникают не поддающиеся нотной записи, уже вполне электронные звучания, когда ясная музыкальная мысль как бы распадается подобно уходящему больному сознанию...

Чтобы представить диск обратимся к оглавлению. Здесь 50 номеров с «говорящими» названиями. Они расположены в соответствии с ходом повествования, иногда очень развёрнутые, иногда совсем небольшие, но всегда точно попадающие в образ, создающие нужную эмоциональную атмосферу. Здесь и портреты, и бытовые сценки, и эпизоды, захватывающие накалом страстей, и, наконец, музыка, сопутствующая самой жизни персонажей (музыкальные табакерки, уличная шарманка, романс Аглаи, песенка Мари). Несмотря на огромное разнообразие – это цельная музыкальная композиция, скреплённая тесными интонационными связями. Мотив финала Восьмой сонаты, а точнее, ядро этого мотива, становится неким зерном, из которого композитор «выращивает» темы, на первый взгляд мало похожие, но задающие особый стиль спектаклю. Сравните №1 Вступление («В конце ноября, в оттепель, часов в 9 утра поезд Петербургско-Варшавской железной дороги на всех парах подходил к Петербургу») звучит светло, ожиданием счастья; в №3 («Князь Мышкин о себе») тот же мотив становится хрупким и вопросительным; а №36 («Музыка в Павловском вокзале. Вальс») превращается в праздничный великолепный танец... Если бы композитор оркестровал развёрнутые, контрастные по жанрам эпизоды, например такие как №7 («Рассказ Рогожина. Бегство во Псков») – токката; №23 («Марш генерала Иволгина»); №26 («Галоп. К Настасье Филипповне!»); №33 («Летняя музыка. Романс генерала Епанчина») и №36 («Музыка в Павловском вокзале. Вальс») могла бы получиться полноценная сюита для концертного исполнения.

Первый собственно электронный диск – это **«Иконофония. Саунд-вернисаж. Программа ритуальных медитаций для синтезатора Kurzweil в 15 частях.1995-2007 г.г.»** Здесь очевиден двенадцатилетний опыт работы с электронным звуком, найден абсолютно новый язык и новое мироощущение. Композитору удаётся погрузить слушателя в особое состояние, которое

испытываешь, созерцая икону. Поэт помогает композитору создать нужный настрой эпиграфом: «Себя навстречу лику протяни -

И лик протянется тебе навстречу».

Обращает на себя внимание стилистически точное оформление. Как и во всех дисках Глеба Седельникова дизайнером является Т.А.Кареева. На обложке мы видим тончайшую по выразительным средствам акварель под названием «Тишина» - над озером Неро в вечернем розоватом небе как бы «застыли» колокола, они как лодки «привязаны» к берегу и замерли в полном покое, в зеркальной глади воды отражается Ростовский кремль. На развороте буклета панорама озера с видом на Спасо-Яковлевский монастырь и на фоне этой фотографии десять двестишестидесяти Валентина Загорянского из Новоиерусалимской тетради.

Есть то, о чём словами не сказать,

Есть то, о чём не промолчать словами.

Мы восстанавливаем тишину.

Вы помогите нам, колокола!

Открылся воздух – и поплыл простор

Под парусом небес навстречу вдоху.

Почувствуешь, летишь – и тотчас в крылья

Преображаются объятья божьи.

Нам по пути с тобою, бесконечность,

Нам по пути с тобою, высота.

Ты из иконы смотришь на меня,

Так смотришь ты – как будто я икона.

Земля – ступенью лестницы небесной.

Бог землю поцелует – храм взойдёт.

Наш Бог – ребёнок, мир – его рисунок,

Ещё не совершенный, но прекрасный.

Вхожу я в сад – и, словно мне навстречу,

Все яблони, все вишни расцветают!

Нечаянно запела тишина –

И будущее чуткое проснулось.

Помимо этого композитор предпосылает письменное приглашение на свой саунд-вернисаж, пытаюсь словами передать эмоциональный ключ к восприятию каждого из 15 номеров. В свою очередь сами названия этих музыкальных картин будят фантазию слушателя, они по силе выражения не уступают двестишестидесятишести. Вот несколько примеров: №1 Тост колокольный. Благовест заздравный; №2 Пробуждение света. Баркарола; №7 Солнечная колесница. Воспарение высоты; №8 Страна небесная. Путь божий; №9

Страна земная. Путь человеческий; №10 Ростов Великий. Обретение начала .

На панихиде в Доме композиторов звучали фрагменты этого диска. Прощание было светлым. Все говорили о Глебе с удивительной теплотой. Его музыка завораживала, пульсировала, переливалась разными красками, в ней звучал свет... Очень многие потом просили подарить им этот диск.

Третий диск издан в 2008 году. Это - **«Преступление и наказание»**. **Летаргическая литургия по Достоевскому**. Слово автору : *«...на этом диске записана музыка к спектаклю МХАТ имени Чехова по роману «Преступление и наказание», поставленному Виктором Сергачёвым. Музыка оказалось значительно больше, чем требовала концепция режиссёра, и было жаль, что она останется не услышанной. Захотелось собрать всё наиболее интересное и поделиться своим пониманием произведения.*

Вместо традиционной аннотации родилась идея: каждому треку должна соответствовать поэтическая миниатюра, в которой была бы сконцентрирована главная, иногда скрытая сила музыки. Таким образом триединство собственно музыки, названия трека и, наконец, двустишия даёт слушателю возможность с максимальной полнотой воспринять композицию.

Например, трек №22 «Златые горы», которому соответствует двустишие «По капле из мышинной тишины / Я пил и пил признание вины». Ещё до слушания музыки мы представляем себе какие-то капли в какой-то, вероятно, тишине. Оказывается, так оно и есть, и это, действительно, капли: то ли только что кончился дождь, и течёт с крыши, то ли это по капле истекает время. Сквозь капли проступают обрывки мелодии, мы узнаём интонации песни «Когда б имел златые горы», как едва уловимое воспоминание о чём-то далёком и невозвратном. Это словно бы осторожное заглядывание в собственные тёмные глубины, где у каждого из нас таится нечто такое, что хотелось бы навсегда забыть и вычеркнуть из жизни, словно кто-то постоянно наблюдает за нами и напоминает о наших поступках. Видимо, в каждом из нас сидит свой собственный соглядатай, свой Порфирий. И не есть ли, в сущности, преступление сразу уже и наказание? Вот, пожалуй, то главное, о чём эта музыка, о чём эти стихи.»

Здесь очевидно тот случай, когда музыку словами описать невозможно, композитором достигнуто точное попадание в больное пространство романа Достоевского. Ты буквально становишься Раскольниковым, пытаешься дышать в этом безвоздушном, замкнутом пространстве, где всё беспросветно и обречено на гибель. Лаконично чёрно-белое оформление: тусклый свет слегка отсвечивает на выщербленных ступенях старой лестницы, ведущей в никуда, под диском – фотография того самого двора и дома, где жила

старуха – процентщица, и где было совершено преступление.

Когда слушаешь эту музыку, читаешь эти удивительно ёмкие, поэтические названия треков и сами двустихия, возникает сильнейший художественный эффект. Правда, сама музыка настолько выразительна, что по большому счёту как бы и не нуждается даже в столь талантливом поэтическом обрамлении. И, тем не менее, трудно оторваться от этого слияния музыки и слова... Вот хотя бы такие примеры: №1 Город над туманом. «Туман навстречу – не успеть свернуть, / Лишь вдруг проснуться или вдруг уснуть.»; №17 Проливная чернота. «Как серая сырая простыня / Сползала на пол скомканная вечность.»; № 24 Старух кордебалет. «С процентом вас! Тут целый сонм старух! / Задушат душу и задуют дух.» Думается, что такого стильного музыкального оформления Достоевского в театре ещё не было.

Существует вариант диска, где на фоне музыки звучит голос Валентина Загорянского, читающего двустихия. Есть также сокращённый до десяти минут, а точнее сказать, сконцентрированный вариант такого диска. На творческих встречах Глеб предпочитал давать именно такой вариант, что всегда производило мощное впечатление.

Четыре диска, увидевшие свет в 2010 году, объединены некоей новой сверхзадачей – при помощи электронного звука передать своё понимание другой культуры, что идёт в русле традиций русских композиторов. Вспомним Дягилевские Парижские сезоны, его балетные спектакли, поражавшие великолепием фантазии в создании, в частности, ориентальных образов. Глеб всегда мечтал о том, чтобы его музыка получила современное пластическое решение. К слову сказать, выступавшая на последнем творческом вечере Анна Младковская говорила о том, что когда она получила в подарок диск «Авраам, роди Исаака» и начала слушать, неожиданно для самой себя стала под него танцевать и так до самого конца протанцевала... Художники уже обращаются к музыке Глеба, может быть, когда-нибудь и хореографы проявят к ней интерес.

Итак, **«Лестница небес» по китайской Книге Перемен.** Вот, что пишет об этой работе автор, почему в его жизни постоянно присутствовала китайская тема. *«Отец мой – Серафим Валентинович Седельников – помимо того, что был знаменитым на всём Подмоскowie садоводом-любителем, был ещё и опытейшим инженером-литейщиком, и в 1953 году его в числе других специалистов направили в Китай поднимать тяжёлую промышленность. Отец пробыл там два с половиной года, изъездил всю страну. Сохранились письма, в которых он ярко описывает свои путешествия. Его работа была высоко оценена – сам Мао Цзе-Дун вручал ему почётный орден. Вот так Китай вошёл в мою жизнь. У нас в доме было много всего китайского: от*

одежды до искусных поделок. Отец привёз мне даже народные китайские музыкальные инструменты, на которых я научился немного играть. К нам часто приходили, как тогда говорили, китайские товарищи. Отец всегда просил меня сыграть китайский гимн «Дун фан хун» («Красный ветер с востока»), что очень нравилось нашим гостям. У отца с китайцами были самые тёплые отношения, поскольку он, будучи чрезвычайно способным к языкам, единственный из советских специалистов мог объясняться с ними без переводчика. Наверное, чтобы сохранить в памяти язык или по привычке, он ещё несколько лет то и дело говорил с нами по-китайски, так что и я невольно перенял от него многие слова и выражения, которые помню до сих пор. Прошли годы, я стал композитором, и мне захотелось музыкальными средствами передать ту незабываемую атмосферу общения с удивительными людьми и с их искусством. Так возникли эти сочинения. Конечно, это не подлинная китайская музыка, скорее моё представление о ней. Тем не менее, некоторые её черты как будто удалось воссоздать.

Обращу ваше внимание, пожалуй, на наиболее значительное произведение «Изначальное свершение» для певицы, поэта и синтезатора по Книге Перемен. В центре композиции 12 двустихий Валентина Загорянского из книги «Сугроб господень или Князь И». Чтение стихов обрамлено пением гексаграмм на китайском языке. Упомянутая книга стихов – это мой «кубик» №5, состоящий из полутора тысяч листков для заметок и, соответственно, трёх тысяч миниатюр. Я люблю писать карандашом в таких «кубиках», стоя, например, перед пианино, как перед конторкой. В тот год более двух месяцев так и простоял у пианино: только отойдёшь – тотчас обратно, новая мысль требует себя зафиксировать.

Тогда же в издательстве «Наука» вышла Книга Перемен, где кроме основного текста, содержался богатейший исследовательский материал. Нельзя было не окунуться с головой в этот бездонный мир. И вдруг я натыкаюсь там на персонаж Царь И! А у меня Князь И! Скажете, очередное совпадение? Но не представляется ли вам ненормальным отсутствие совпадений? Я не знаю, кто такой Царь И, но знаю, что мой Князь И - это не персонаж, это отнюдь не конкретное лицо. Это некая сила, соединяющая одно с другим. Князь И говорит о нерасторжимой связи предметов и явлений, времён и пространств. Эта великая сила, выраженная союзом «И», наглядно демонстрирует нам космическую религиозность.

Как это отразилось в музыке? Наверное, можно было бы ответить так: вот вы слушаете музыкальные номера, читаете стихи – и мы в этот момент вместе, мы сейчас составляем одно целое, и от этого нам хорошо, и мы хотим, чтобы это ощущение пребывало в нас постоянно.»

Диск изящно оформлен фрагментами средневековых китайских акварелей. Тексты гексаграмм из Книги Перемен и двестишия Валентина Загорянского вводят слушателя в иное, особое пространство. В поэтичнейших названиях перед нами как бы раскрывается путь познания гармоничной картины мира: Утренние врата вдоха, Письмена воздуха, Пагоды над сердцем, Утренняя песня небесного пахаря, Земля нараспашку, Соло высоты, Встреча со сливой, Бамбуковый отрок, Сквозь сито прислушивания, Беседы с опадающей листвой; Ваза, ожидающая подношения; На струнах и колосьях, Вечнозелёный чай, Вечерняя песня небесного пахаря, Сердце над пагодами, Куранты вселенной, Изначальное свершение, Вечерние врата выдоха. Сочинение цельное и удивительно светлое, даже при поверхностном знакомстве с названиями частей очевиден принцип симметрии. Это как прожитый день или прожитая жизнь. С первыми звуками музыки мы вступаем в поток времени. Можно представить себя, стоящим ранним утром где-то очень высоко... Над тобой чистое небо, перед тобой бескрайние просторы, дышится легко, твоя душа вступает в контакт со вселенной, ты слышишь пение, начинаешь понимать язык природных стихий, любишь созданием человеческих рук, проникаешься чувством восторга и благодарности, и наполненный радостью и красотой окружающего мира, уходишь с сознанием, что этот жизненный цикл будет повторяться вечно, пусть уже не с тобой, но это будет всегда.

Темброво и интанационно композитору удаётся передать специфику звучания китайских инструментов – поющий бамбук, обилие звенящих, гудящих и ударных. Правда, в этих звенящих иногда слышится радостная нота праздничной русской колокольности.

Знакомство с «Лестницей небес» попробуем завершить двестишиями Валентина Загорянского из книги «Сугроб господень или Князь И».

Ждёт брода берег. Через океан

Ждёт брода отражение его.

Песок прибрежный ждёт твоих следов,

И волны ждут их, чтобы смыть скорее.

Ждать и дожждаться своего рожденья,

Ждать и своей кончины не дожждаться.

Тростник. За ним, наверное, бессмертье,

Но как пройдёшь сквозь изгородь живую!..

Всё меньше мир, зато всё больше миг,

Отпущенный ему на совершенство.

Расцвёл цветок, раскрыл свои объятия,

Чтоб малому великое постичь.

Подъём на небо занимает жизнь,
А спуск на землю занимает вечность.
                                    Возможность возмужает, невозможность
                                    Отступит, с облегчением вздохнув.
Лишь вечером ты можешь быть уверен,
Что утро было и что полдень был.
                                    Не приближайся к берегу, корабль:
                                    Тут плаванье закончится твоё.
Оправившись от праха, сын земли
Отправился на праздник к сыну неба.
                                    Чтоб налегке покинуть этот мир,
                                    Оставь своё блаженство в этом мире.

Оригинальный замысел японского диска Глеба Седельникова родился под влиянием поэтической формы хайку – трёхстишия. Звук, имитирующий кото, ассоциируется с графичностью, мы как будто записываем японские стихи красивыми иероглифами. Отсюда название: **«Ритуальные движения хайку. Музыкальный конструктор»**. Автор предлагает слушателю необычную игру, он пишет об этом в предисловии.

«Данный диск представляет собой не только музыкальную программу, но ещё и своеобразный музыкальный конструктор. Слушатель может по собственному выбору сложить своего рода музыкальное хайку, взяв для первой строки одну из загадок кофейной арфы, для второй – один из хрустальных поцелуев и для третьей выбрать один из путей постижения кото. Разумеется, музыкальные трёхстишия можно выстраивать и из любых треков, подобранных по вашему вкусу, вплоть до трёхкратного прослушивания одной и той же пьесы.

Вы словно бы составляете изысканнейший звуковой букет – настоящую саунд-икебану. Последняя композиция этого диска «Рок-форум» призвана выразить радость от испытанного вами творческого процесса.

Конечно, можно ничего не создавать, а просто слушать и вместе с автором воображать, что, примерно, вот так и должна звучать японская музыка.

Наконец, обратите, пожалуйста, внимание на то, что это помимо всего прочего, также и литературная игра. Вам будет совсем не сложно составить самые обычные хайку, используя исключительно названия музыкальных произведений. Например:

*Загадка начала
Приготовление поцелуев
Короткий путь постижения кото
Или:
Загадка жеста
Ускользающие поцелуи
Тернистый путь постижения кото
Или так:
Воображаемый путь постижения кото
Гирлянды поцелуев
Загадка замиранья*

В оформлении диска использован рисунок ширмы Корина, XV11 век, Япония и графический портрет Глеба Седельникова Су Хо.

Если «Ритуальные движения хайку» по характеру звучания и необычности замысла, обращенному скорее к интеллекту слушателя, можно сравнить с камерной музыкой (это 42 миниатюры), то **«Курильские острова»** поражают масштабностью звучания, глубиной контрастов. Обращает на себя внимание подзаголовок: **саунд – ингалятор**. В оглавлении автор подчеркивает, что это 14 сеансов саунд-ингаляции и даже предпосылает акросонет, как бы раскрывающий смысл этого понятия.

С вершиной в бездну, с бездной на вершину,
Авансом ад, авансом рай эпох.
Уйдёшь за грань, вернёшься в сердцевину
Начертанным, зато твой автор – Бог!
До завтра доживает только вдох,

И то, когда дотла угаснет имя...
Не кайся! Это сны! Смыкайся с ними!
Где бредит истина, там бдит подвох.
Алмазы с неба всё сильнее, всё жарче
Льют воздух безвоздушный в немоту.
Я, ось твоя, о, мой подземный Шарче,
Такую атакую высоту!..
Обуть – и вёрст конечность не помянет,
Разуть – и звёзд осколки не поранят.

Авторское предисловие помогает слушателю «запустить» полёт фантазии. Доверимся же автору, пусть он сам проведёт нас по своему сочинению.

«Каждое утро я иду навстречу Тихому океану! Я иду на восток, на кухню, завтракать – и каждое утро океан становится ближе ко мне на семь

шагов. Я чувствую, как в моём лице самая большая земля бережно прикасается к самой большой воде. И между нами, как шлюз, как фильтр, как навеки окаменевшая стража, встают Курильские острова. У всякого есть такие острова, такая стража, где фильтруются мысли, слова, побуждения, дабы не заразить друг друга сомнениями и страхами.

Итак, каждое утро я иду к океану, но когда-то ещё дойду!.. Нет, он нужен мне сейчас! И я создал свой океан – его музыкальную модель. Вот он! Он дышит, он поёт, он растёт! (№1 В объятиях необъятного) На горизонте проплывают парусные эпохи, и нашему берегу остаётся только послушно дрейфовать следом за ними. (№2 Паруса эпох, №3 Дрейфующее Здесь) Теперь мы письма, мы иероглифы. Мы вступаем в иное измерение, в иное бытие. А может, небытие... Недаром нас пронизывает этот зияющий поток времён. (№4 Хождение в иероглиф, №5 Сквозняк небытия) Нас окружают фантомы лунных дев, завлекая в неведомое Туда. словно одинокий голос зовёт нас, словно бы через Там видится наша обетованная обитель. (№6 Лунные девы, №7 Через Там) И мы застываем, как ледяные сады, где воздух соткан из кипящих льдинок. (№8 Ледяные сады) Мы пьём этот пенящийся восторг за эту хрупкую вечность, за этот хрустальный миг! (№9 Гост в стиле блюз) Нет, это уже не лёд, это уже металл, это поединок вечности с мигом, бездны с вершиной, то есть – с самим собой, ибо в любом из нас томится вулкан. Того и гляди – извержение нашей дикости, необузданности, наших пылающих недр. Вот и пытаемся мы приручить его, одомашнить. (№10 Эротика клинка, №11 Заклинание вулкана) Тем временем нас плотно опутывает всепоглощающая тьма Несуществующего. Нет, не сломить нас! Ритуальный танец поможет сбросить с себя враждебную тьму. (№12 Свержение тьмы) Но что это смутно угадывается сквозь туман времени, туман незнания? Да вот он – архипелаг призраков! Вот они – спасительные острова! (№13 Архипелаг призраков) Они неощутимо пройдут сквозь нас и примут в себя все наши беды и боли, и мы вернёмся к себе обновлёнными, исцелёнными, очистившимися. И снова засияют звёзды над нами, и снова их тихий свет коснётся нас – и мы остро почувствуем себя их братьями, как чувствуем себя родственниками островов и океанов. (№14 Тихие звёзды)».

В оформлении диска использованы фрагменты картин Дж.Тёрнера. Не берусь рассказывать музыку, вряд ли я смогу это сделать лучше, чем автор.

О диске «Авраам, роди Исаака или Сказка о золотой фишке» нам рассказывает сам композитор. «В конце прошлого века я написал музыку к радиосериалу «Сын человеческий» по книге Александра Меня. Музыка было

больше, чем требовалось, и многое, прежде всего в ярко выраженной жанрово-фольклорной манере, в сериал не вошло. Тем временем наступило очередное тысячелетие, и мне захотелось вспомнить эту работу и предложить её вам. Как видно из названия диска, здесь два контрастных начала: библейские мотивы и характерная самоирония, печальные глаза и бесшабашное веселье.

Вы спросите, откуда у меня интерес к еврейской теме? Дело в том, что в музыкальном училище при Московской консерватории мы учились с Лёней Бергером. Это потом он стал ЛЁНЯ БЕРГЕР – известный эстрадный певец, солист рок-группы «Весёлые ребята». А тогда... В один, не побоюсь этого слова, прекрасный день (ах, тогда все дни были прекрасными, впрочем, как и сейчас) перед анализом музыкальных форм он подошёл к роялю, и мы услышали: «Моме, мег их гейн шпацирн? Йох, майн либе тохтер». Вскоре на бывшей улице Медведева в старой многонаселённой коммунальной квартире у Саши Кошелева (теперь на этом месте радио «Свобода») весь репертуар был записан на «Яузе 5». Сколько же раз я водил туда знакомых угощать непривычной музыкой!.. Магнитофоны были не в каждом доме. Сохранилось всего 9 песен. Там Лёне 19. Но как пел! До сих пор мурашки... Сёстры Берри отдыхают. Однако он уехал в Австралию, потом в Австрию. Недавно я был в Вене на премьере моей оперы по Достоевскому «Бедные люди». Хотел моему знаменитому сокурснику подарить его «19 лет». К сожалению, Бергера не нашли. Вдруг когда-нибудь ему в руки попадёт этот диск!..

Кстати о диске. Хочу обратить ваше внимание на, в некотором роде, забавные названия треков. Они как бы часть самой музыки, они словно подсказывают, о чём это. Например, «Донашивая эру». Я люблю названия, где сквозь одни слова проступают другие, создавая многоступенчатость смысла. Иногда это словесная игра – «Не в хлеве едином». Или «Река на прокат» - увы, и самое святое сдаётся в аренду!.. Что касается «Головы Иоанна», то голову Иоанна Крестителя за свой танец повелела подать себе на блюде дочь царя Ирода Соломея – образ абсолютного зла. А «Сектор газа» (именно, не с большой буквы). Вы меня извините, - это газовая камера. И в связи с этим – одна зола, «Зола обетованная». «Мама Раша» - это не только наша общая мать Россия, но ещё и ветхозаветная Рахиль, плачущая по детям, которых у неё нет. Почему «Смычок Ротшильда», а не, скажем, скрипка, пусть каждый придумает сам. Что такое «Сказка о золотой фишке», пожалуй, поймёт исключительно русскоязычный читатель. Тут сразу и рыбка, и выпивка, как справедливо заметил поэт Иван Ахметьев. Также, вероятно, лишь русскоязычный вспомнит, кто такая тётя Лло и для чего её приглашают. Надеюсь, что не только любитель классической музыки

свяжет название «Бедный и бедный» и «Картинки с выставки» Мусоргского. Там – «Богатый и бедный», а здесь – оба бедные, причём, материальное положение не причём.

Ну, и ещё коротенькая история «Про девочку, которая нашла своего Мишку». Сорок лет назад одна юная Марина, которая симпатизировала моим стихам (напомню, что я не только композитор, но и поэт, отсюда и всяческие изыски в названиях), так вот эта очаровательнейшая Марина, которую я почему-то прозвал мангустой, прислала мне стихи, якобы своего сочинения. И я, естественно, тотчас положил их на музыку и уже, было, понёс мой новый опус в издательство. Но композитор Марк Мильман (вы все знаете его «Морозный денёк») подверг сомнению авторство Марины, утверждая, что эти стихи принадлежат перу какого-то известного классика. И надо же, как раз в это время Игорь Тарасов подарил мне Сашу Чёрного. Действительно, я обнаружил там «Мишка, Мишка, как не стыдно!» Спасибо тебе, Марина, за эту милую шутку! А то ведь и песенки бы не было.

И самое главное. Да будет мне позволено посвятить эту мою работу, эту мою музыку нашим удивительным, неповторимым русским евреям! Дай Бог вам, дорогие, здоровья и остального счастья!..»

Так закончил свой рассказ Глеб и мне, пожалуй, нечего добавить. Только хочу уточнить, что последний номер диска, где Глеб аккомпанирует певице, это бонус. Это лишь небольшое неэлектронное приложение к электронной программе .

Обязательно обратите внимание, как оригинально и вместе с тем неназойливо решена еврейская тема в оформлении диска.

Благодарю Татьяну Александровну Карееву, талантливого художника, верного помощника и постоянного соавтора в нашей работе над дисками.

Хочу надеяться, что мой рассказ не оставит читателей равнодушными и они захотят познакомиться с творчеством Глеба Седельникова. Уверена, что это знакомство принесёт им много радостных открытий.

Ольга Седельникова.

12 октября 2013г.